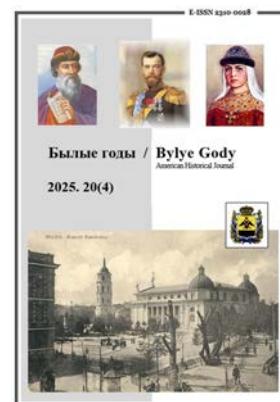

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 1843-1851
DOI: 10.13187/bg.2025.4.1843

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of State Policy Towards “Non-Tolerated” Religious Denominations in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from Western and Northwestern Kazakhstan)

Zhanar D. Mustafina ^a, Assylbek T. Maden ^{a,*}, Bibinura K. Sugurbayeva ^a

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the analysis of changes in the state policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries regarding the so-called “non-tolerated” denominations, using the example of Western and Northwestern Kazakhstan. Based on diverse sources, including legislation, archival evidence, and academic works of Russian and international researchers, the study traces how the state approached religious movements that, in the pre-revolutionary period, were considered “sects” and exposed to different forms of administrative and police control. It is shown that in the imperial period, confessional policy combined legal restrictions with measures of surveillance and control aimed at curbing their spread, while still allowing opportunities for legalization and missionary activity. Special attention is given to the missionary activity of Protestant groups, their interaction with co-religionists from neighboring regions, and the impact of resettlement policy on the confessional situation in the empire's peripheral areas. The dynamics of the development of local religious communities and the mechanisms of their adaptation to legal and administrative conditions are traced.

The methodological basis of the study includes the problem-chronological, comparative-historical, and historical-typological methods, as well as the analysis of archival documents, which made it possible to identify the stages of policy evolution, classify forms of state influence, and reconstruct the specifics of implementing legislative norms at the regional level.

The study demonstrates how state policy shaped religious life in the borderlands of the Russian Empire and contributes to a better understanding of the local particularities of confessional policy with regard to religious minorities.

Keywords: state policy, “non-tolerated” denominations, Protestantism, Stundism, Baptism, Molokans, Russian Empire, Western Kazakhstan.

1. Введение

В Российской империи к «нетерпимым» относились такие христианские секты, как скопцы, молокане, духоборы, хлысты и др., а также ряд протестантских течений – штундисты, баптисты, евангелисты. Эти религиозные группы рассматривались правительством и Русской православной церковью (РПЦ) как наиболее опасные и вредные для господствующей конфессиональной системы.

«Нетерпимые» вероисповедания рассматривались государством как угроза духовному и политическому единству Российской империи. Власти опасались, что подобные религиозные общины могут распространять свободомыслие и подрывать лояльность подданных, поэтому их деятельность находилась под строгим контролем или полностью запрещалась.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью специального и комплексного изучения эволюции государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в

* Corresponding author

E-mail addresses: maden.assylbek80@gmail.com (A.T. Maden)

Российской империи в рассматриваемый период. Данная проблема до настоящего времени не получила достаточного освещения в исторической науке, особенно в сравнительно-историческом аспекте, что определяет научную значимость настоящей работы. Цель исследования заключается в выявлении и всестороннем анализе эволюции государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий, а также в определении её влияния на трансформацию религиозной жизни в окраинных регионах империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили законодательные и архивные материалы, позволяющие проследить эволюцию государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в Российской империи. Первая группа источников включает законодательные акты, среди которых – отдельные части и тома *Свода законов Российской империи* (издание 1857 г.), *Полного собрания законов Российской империи* ([ПСЗРИ, 1908](#)) и сборника «Законодательные акты переходного времени (1904–1908 гг.)» ([Законодательные акты..., 1909](#)). Эти документы позволили выявить правовые основы государственной политики по отношению к «нетерпимым» религиозным течениям в XIX – начале XX в., а также проследить изменения в правовом регулировании религиозной сферы.

Архивную основу исследования составили документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) и Архива Президента Республики Казахстан (АП РК) (Алматы, Республика Казахстан). В фондах № 25 и № 44 ЦГА РК изучены материалы, отражающие историю молокан, штундистов, баптистов и других религиозных течений в Тургайской области. В фонде № 141 АП РК исследованы и введены в научный оборот документы, касающиеся новых религиозных общин, возникших в Уральской области.

Методологическую основу исследования составили проблемно-хронологический метод, позволивший проследить эволюцию государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий, и сравнительно-исторический метод, использованный для выявления особенностей её реализации в окраинных регионах империи. Применение историко-типологического подхода позволило классифицировать формы государственного воздействия, а анализ архивных материалов – выявить специфику применения законодательных норм на региональном уровне.

3. Обсуждение

Результаты государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий нашли отражение в современной российской историографии, хотя отдельные сведения по этой проблеме встречаются и в трудах советского периода. В частности, в исследовании А.И. Клибанова, посвящённом истории религиозного сектантства в России ([Клибанов, 1965](#)), а также в работе Л.Н. Митрохина об истории баптизма ([Митрохин, 1997](#)), содержатся сведения о государственной политике в отношении «нетерпимых» вероисповеданий и её последствиях.

С начала XXI в. в российской историографии начали появляться исследования, посвящённые взаимодействию государства и религиозных организаций, а также вопросам религиозной политики в Российской империи. Среди значимых работ следует отметить монографию А.А. Сафонова ([Сафонов, 2017](#)), в которой рассматриваются правовые аспекты отношений государства и конфессий в позднеимперской России, а также исследование В.С. Дякина ([Дякин, 1998](#)), посвящённое национальному вопросу во внутренней политике царизма в XIX – начале XX в., где анализируется роль религиозного фактора.

Отдельную группу источников составляют научные статьи. Особое значение имеет работа А.Ю. Бендиня, в которой прослеживается эволюция отношения государства к конфессиональным группам по принципу «свой – иной – чужой» в XVIII – начале XX в. ([Бендин, 2021: 8–31](#)); при этом под «чужими» подразумеваются именно «нетерпимые» вероисповедания. В статье М.Л. Воронковой рассматриваются особенности взаимодействия государства и религиозных объединений в имперский период российской истории ([Воронкова, 2012: 77–85](#)). Работы Е.В. Казаченко ([Казаченко, 2010: 142–148](#)) и Т.С. Оленич ([Оленич, 2005: 15–25](#)) посвящены нетрадиционным религиозным организациям и сектам в России, вопросам их классификации и правового положения. К данному кругу исследований относятся и публикации авторов настоящей статьи. Ранее нами была подготовлена работа, посвящённая формированию и развитию новых религиозных движений в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. на примере Тургайской и Уральской областей ([Mustafina, Maden, 2025: 289–299](#)). Настоящее исследование является её логическим продолжением.

В целом, проведённый историографический обзор показывает, что, несмотря на наличие отдельных исследований, проблема государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий остаётся недостаточно изученной, особенно в аспекте её последствий на региональном уровне. Это подтверждает необходимость дальнейшего комплексного анализа с привлечением широкого круга источников.

4. Результаты

Во второй половине XIX в. вероисповедное законодательство Российской империи продолжало поступательное развитие, что было обусловлено усложнением конфессиональной структуры общества. В этот период начали издаваться нормативно-правовые акты, устанавливающие конкретные ограничения в отношении так называемых «нетерпимых» вероисповеданий и регламентирующие их деятельность. Ужесточение государственной политики в данной сфере во многом объяснялось увеличением численности и географического распространения указанных религиозных движений. Наряду с этим, в правовое поле вводились положения, направленные на ограничение деятельности отдельных религиозных течений (сект), что отражало стремление властей сохранить духовное единство и конфессиональную иерархию в условиях роста влияния протестантских и иных нетрадиционных направлений.

В середине XIX в. вопросы, касающиеся религии в целом, включая иные вероисповедания, регулировались положениями Свода законов Российской империи 1857 г. В нём православие провозглашалось «первенствующей и господствующей верой» в государстве (ст. 40). Монарх, управляющий страной, не имел права исповедовать какую-либо иную религию, кроме православия (ст. 41). Более того, император объявлялся «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры» (ст. 42). Согласно статьям 44-45, всем народам Российской империи предоставлялась свобода вероисповедания и разрешалось совершать богослужения в соответствии со своими религиозными обрядами ([СЗРИ, 1857а: 10-11](#)).

Тем не менее, предоставленная новым религиозным организациям свобода вероисповедания носила формальный характер. Напротив, в соответствии с законодательством, на них налагались многочисленные ограничения, а также предусматривались меры как уголовной, так и гражданской ответственности. Так, религиозным объединениям, за исключением Русской православной церкви, было запрещено заниматься миссионерской деятельностью. В случае нарушения они подлежали уголовному преследованию (ст. 4) ([СЗРИ, 1857б: 5](#)). Господствующее положение РПЦ обеспечивалось также другими статьями законодательства. Например, в соответствии со статьёй 47, лицам, исповедующим православие, запрещался переход в иное вероисповедание ([СЗРИ, 1857с: 303](#)). Таким образом, отказ от православия и переход в другую веру признавались незаконными. За склонение к отступлению от православия, особенно с применением принуждения, а также за распространение раскола и деятельности иных сект, предусматривались разнообразные меры уголовного и гражданского наказания. К числу наиболее суровых санкций относились каторжные работы сроком до пятнадцати лет, ссылка в Закавказье или Сибирь ([СЗРИ, 1857д: 49-55](#)).

Перемены, начавшиеся в российском обществе в начале 1860-х гг., создали условия для реформаторского правительства Александра II постепенно смягчить политику в отношении «раскола» и снизить административное давление на старообрядцев и сектантов. Постепенно им предоставлялись отдельные гражданские и религиозные права. Так, 17 апреля 1874 г. был издан императорский указ, легализовавший браки старообрядцев. 31 октября 1879 г. Александр II утвердил положение Комитета по делам раскольников (1864 г.), наделявшее МВД правом негласно разрешать представителям «менее вредных сект» ремонт ветхих молитвенных домов. Дальнейшим шагом стал указ Александра III от 3 мая 1883 г., даровавший старообрядцам и сектантам полный объём гражданских прав и часть религиозных свобод. Однако формальная легализация их общин по-прежнему отсутствовала, а традиционный запрет на «публичное оказательство раскола» сохранялся ([Бендин, 2021: 24](#)).

Указ от 3 мая 1883 года был преимущественно посвящён старообрядцам и устанавливал ряд правовых норм, регулирующих правовой статус старообрядческих общин. В его тексте не содержалось упоминаний о «вредных» религиозных течениях, и классификация на «вредные» и «особо вредные» секты отсутствовала. Тем не менее, данный указ стал важным этапом на пути к частичной легализации религиозных объединений, относящихся к числу нетерпимых. Он стал шагом в сторону ограниченного признания раскольнических и нетрадиционных религиозных групп в Российской империи.

В государственной политике Российской империи в отношении «нетерпимых» вероисповеданий РПЦ играла ключевую роль. Она вела особенно яростную и последовательную борьбу с новыми религиозными течениями, нередко проявляя большую активность и настойчивость, чем местные органы власти. После учреждения в 1721 г. Петром Великим Святейшего Синода в ведение этой могущественной организации были переданы, в том числе, и функции управления и, что особенно важно, – надзора за всеми существующими в Российской империи протестантскими общинами. Позднее, уже в 1824 г., для решения этих задач был создан специальный орган – Главное управление дел иностранных исповеданий, которое вскоре, в 1832 г., уже под названием «Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий» было включено в структуру МВД ([Казаченко, 2010: 145](#)).

С 1880 по 1905 г. Святейший Синод возглавлялся обер-прокурором К.П. Победоносцевым. Он был убеждённым сторонником Русской православной церкви и её исключительной роли в жизни государства. В этот период К.П. Победоносцев оказал значительное влияние на конфессиональную политику империи и занимал особенно жёсткую позицию в отношении «нетерпимых»

вероисповеданий. Во время его руководства штундисты и баптисты подвергались существенному давлению и репрессиям со стороны церковных и светских властей. Преследования баптистов в эпоху Победоносцева, по мнению исследователей, условно можно разделить по характеру репрессивных мер на три этапа: 1) 1880–1893 гг.; 2) 1894–1896 гг.; 3) 1897–1905 гг. Второй этап отличался массовыми преследованиями, тогда как на третьем этапе политика в отношении баптистов несколько смягчилась ([История..., 1989: 96](#)).

Была организована репрессивная кампания против штундизма, который в этот период начал широко распространяться. Согласно высочайше утверждённому Положению Комитета министров от 4 июля 1894 г., штундизм был объявлен «вредной» сектой. На основании этого закона начались активные преследования: штундистов арестовывали, заключали в тюрьмы, ссылали в самые отдалённые районы. После появления этого циркуляра миссионеры стали приписывать слово «штундист» к множеству других сект, чтобы упростить их преследование. Именно поэтому термин «штундизм» начали применять по отношению ко всем и всяческим сектам – молоканам, духоборам, хлыстам, скопцам и другим. Как будет показано далее, циркуляр 1894 г. широко использовался для ужесточения репрессий против баптистов ([Митрохин, 1997: 218–219](#)).

Необходимо отметить, что преследование и ссылка баптистов на территории Российской империи начались ещё до издания закона 1894 г. Так, в марте 1887 г. были арестованы видные деятели российского баптизма и лютеранства – В.Г. Павлов, Н.И. Воронин и А. Амирханянц. Они были высланы вместе с семьями в город Оренбург. Следует подчеркнуть, что В.Г. Павлов дважды подвергался ссылке: повторно он был выслан туда в 1891 г. Все они испытали серьёзные трудности в условиях ссылки – так, в 1892 г. В.Г. Павлов потерял жену и четырёх детей. Материальное положение ссыльных было крайне тяжёлым: ежемесячного пособия не хватало, а любые формы заработка и занятия земледелием запрещались ([История..., 1989: 107–110](#)).

Видные деятели баптизма, сосланные в приграничные с Западным Казахстаном регионы Российской империи, способствовали распространению евангельского учения и формированию баптистских общин в этих местах. Первая община в Поволжье возникла в Новом Узене, куда в 1883–1885 гг. приезжал В.Г. Павлов. В начале 1890-х гг. начала действовать Саратовская община, а к 1893 г. первые группы верующих появились среди молокан в сёлах Александров Гай и Орлов Гай ([Mustafina, Maden, 2025: 291](#)). Все эти населённые пункты граничили с землями Западного Казахстана и, несмотря на преследования со стороны государственных и церковных властей, способствовали распространению баптистского вероучения и формированию общин в данном регионе. Одной из первых баптистских общин, возникших на территории Западного Казахстана, стала Джаныбекская община. Она была основана в 1885 г. на территории тогдашней Уральской области. Изначально в ней входил 21 человек. В последующие годы численность возрастала: в 1886–1898 гг. – на 16 человек, в 1898–1900 гг. – ещё на одного ([АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2251. Л. 36](#)).

В такой обстановке РПЦ выступала против распространения «вредных» религиозных течений в Казахской степи через переселенческое движение. Летом 1891 г. Оренбургский и Уральский епископ в служебном письме на имя руководства Тургайской области, исходя из нежелательности их распространения, просил запретить предоставление земельных наделов переселенцам-сектантам ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4](#)). Нельзя сказать, что все подобные обращения представителей РПЦ всегда удовлетворялись. Местные исполнительные органы имели собственные интересы: для них приоритетом было размещение прибывающих переселенцев и их хозяйственное устройство. Тем не менее, в вопросах защиты православия местные власти, как правило, оказывали поддержку РПЦ.

Как уже отмечалось выше, после принятия закона о штундистах в 1894 г. МВД и Святейший Синод начали использовать его в качестве инструмента для ограничения и преследования новых религиозных течений. В циркуляре МВД от 3 сентября 1894 г., направленном военным губернаторам, подчёркивалась необходимость применения закона, утверждённого 4 июля 1894 г., вместо закона от 3 мая 1883 г. Основанием для этого служил тот факт, что в законодательстве 1883 г. отсутствовала чёткая классификация сект по степени их «вредности». В результате представители штундизма, признанного Святейшим Синодом «особо вредной» сектой, пользовались правами и льготами, предоставленными обычным раскольникам. Отмечалось также, что привлечение таких лиц к ответственности в рамках закона 1883 г. затруднено. В связи с этим указывалось, что указанные права и льготы на штундистов не распространяются, проведение ими общественных молитвенных собраний подлежит запрету, а в случае нарушения – виновные привлекаются к уголовной ответственности в установленном порядке ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 1–2](#)).

Прежде всего, несмотря на ограничения и преследования со стороны РПЦ и Святейшего Синода, представители новых религиозных течений начали активно переселяться на территорию Уральской и Тургайской областей, охватывавших современный Западный и Северо-Западный Казахстан. Это переселение было напрямую связано с колониальной политикой царского правительства, направленной на освоение Казахской степи. Об угрозе, исходящей от сектантов, заявляли не только местные представители РПЦ, но и органы светской власти. Так, в своём донесении начальник Кустанайского уезда отмечал, что в нескольких населённых пунктах уезда

проживает более 40 представителей нетрадиционных течений, от которых уже наблюдаются негативные последствия ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4-5](#)).

Архивные материалы содержат многочисленные такие донесения представителей РПЦ и местных властей, из которых отчётливо прослеживается значительное распространение новых религиозных течений в Кустанайском и Актюбинском уездах Тургайской области. В начале XX в. здесь сформировались крупные баптистские церкви: в селе Николаевка Кустанайского уезда и в городе Актобе. Эти религиозные объединения с каждым годом расширяли свои ряды и активно распространяли своё вероучение среди населения ([Mustafina, Maden, 2025: 293-294](#)).

Таким образом, рубеж XIX-XX вв. стал поворотным моментом в конфессиональной политике Российской империи. Завершилась эпоха жёсткой религиозной иерархии, основанной на принципе «свой-инон-чужой» ([Бендин, 2021: 8-26](#)), в рамках которой РПЦ сохраняла исключительный статус, а представители «нетерпимых» вероисповеданий подвергались систематическим ограничениям и репрессиям. Причины этих трансформаций носили многоплановый характер. Усиление социальных противоречий, рост национальных и религиозных движений, осложнения контроля за протестантскими и сектантскими группами в условиях переселенческой политики, а также внешнее давление с призывами прекратить преследование религиозных меньшинств заставляли правительство корректировать прежний курс. Дополнительным фактором стал внутренний кризис РПЦ, подрывавший её авторитет и влияние.

Завершением этих процессов стало издание императором Николаем II Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Данный нормативный акт стал важнейшим шагом, ознаменовавшим переход к более мягкой и компромиссной религиозной политике в Российской империи. Его принятие было продиктовано необходимостью снижения уровня общественного напряжения на фоне революционных событий 1905 г. и стремлением сохранить устойчивость государства. Указ впервые на законодательном уровне закрепил свободу вероисповедания, разрешил переход из православия в иные религии, установил различие между вероучениями, ранее объединёнными под общим наименованием «раскол», и легализовал деятельность религиозных течений, ранее считавшихся «нетерпимыми» и не признававшихся законом. Представителям этих конфессий было разрешено открывать молитвенные дома, проводить публичные богослужения в специально отведённых местах. Кроме того, указ отменил Положение от 4 июля 1894 г., запрещавшее штундистам проведение молитвенных собраний ([ПСЗРИ, 1908: 258-262](#)). Таким образом, он обозначил поворотный момент в регулировании проблем, связанных с нетрадиционными религиями.

Принятые в империи законодательные меры, направленные на расширение религиозных прав населения, создали условия для активного распространения протестантских групп и общин. В Уральской области они возникли в Ильинке, Ащисае и Михайловке, а позднее – в Кудуксае (1911) и Джуруне (1914) ([Шнайдер, 2006: 25-27](#)). Баптистская община в Джуруне, имевшая собственный хор и детские кружки, стала одной из крупнейших в регионе и, с перерывами, продолжала функционировать в советское время ([Дик, 2003: 199-203](#)).

После 1905 г. аналогичные явления наблюдались и в Тургайской области. Упомянутая выше Актюбинская община стала одной из крупных баптистских общин Актюбинского уезда. С 1906 г. в общине начали регулярно проводиться молитвенные собрания – этот год считается датой основания церкви. Со временем община начала расширяться, и примерно в 1909 г. её пресвитером был избран Ф.Л. Вареников ([Дик, 2003: 196-197](#)).

Расширение сети новых религиозных объединений в различных регионах Российской империи обусловило необходимость их институционального регулирования. В условиях стремительного роста числа общин государственные органы начали внедрять механизмы правовой регистрации, чтобы установить контроль за деятельностью представителей «нетрадиционных» конфессий. С 1906 г. создание новых религиозных объединений стало возможным только при наличии официального разрешения местных властей. Правовую основу для этого обеспечил закон от 17 октября 1906 г. «О старообрядческих и сектантских общинах» ([Законодательные акты..., 1909: 424-451](#)). Этот нормативный акт дополнил Указ о веротерпимости 1905 г., закрепив правила учреждения религиозных общин, порядок их регистрации, условия открытия молитвенных домов, а также регламент избрания духовных лиц и взаимодействия с органами власти.

По новым правилам для регистрации религиозного объединения требовались подписи 50 членов общинны. Однако значительная часть небольших религиозных групп, особенно в отдалённых районах, не могла выполнить это требование закона. Это препятствовало их официальной регистрации и становилось формальным основанием для преследований со стороны властей за «незаконную» деятельность.

В начале XX в. Закон о веротерпимости 1905 г. создал условия для активизации протестантских общин, укрепив их связи с единоверцами соседних регионов. Уже в 1908–1909 гг. в Тургайской области действовали представители Сибирского миссионерского отдела Союза баптистов, по инициативе которых в Николаевске Костанайского уезда прошёл первый районный съезд и был создан Николаевский евангельский район. Николаевская община стала центром миссионерской работы, организовав новые группы в Варваринке и Костанае, направляя проповедников в разные

населённые пункты. Протестантские общины Тургайской и Уральской областей поддерживали связи с единоверцами Самарской и Оренбургской губерний, участвуя в совместных съездах (Новоузен, 1907; Самара, 1909; Саратов, 1916; Джаныбек, 1918). В 1911 г. в Актобе проповедовали пресвитер из Самары В.И. Петров и А.П. Зуккау. Местные общины – Джурунская, Ильинская и Актюбинская – активно проводили евангелизационные поездки, охватывая десятки сёл и хуторов; так, в ходе майской миссионерской поездки 1914 г. было крещено более 30 человек в Джуруне и окрестностях, а также проведены собрания для взрослых, детей и молодёжи (Mustafina, Maden, 2025: 294-295). Таким образом, несмотря на административные ограничения и полицейский надзор, протестантские общины региона сохраняли организованность и активно развивались. Регулярные евангелизационные поездки, создание новых групп и крещения свидетельствуют о росте движения в Тургайской и Уральской областях и его интеграции в религиозный ландшафт Российской империи.

Закон 1905 г. предоставил частным лицам возможность открыто заявлять о своей религиозной принадлежности и узаконивать её. Материалы ЦГА РК свидетельствуют о массовом переходе населения, особенно в Кустанайском уезде Тургайской области, из православия в баптизм. Так, дело № 860 из архивного фонда № 25, датированное 1914-1917 гг., содержит сотни заявлений на 989 листах о переходе в баптизм (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Л. 1-989). В этом фонде сохранились и другие дела с прошениями о переходе из одной веры в другую. Подобная ситуация вызывала серьёзную обеспокоенность представителей православной церкви.

Особую тревогу у церковного руководства вызывали случаи отхода от православия не только мирян, но и представителей духовенства. В архивных материалах зафиксированы два особенно показательных эпизода. Первый – случай священника Викторовского прихода Костанайского уезда А. Волгина, ранее активно участвовавшего в противосектантской миссионерской деятельности, который сам впоследствии принял баптизм. Второй – переход в старообрядческое (белокриницкое) согласие заштатного священника В.Д. Александровского, служившего в Актобе (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 798. Л. 167, 171).

Эти события стали серьёзным ударом по авторитету православного духовенства. Согласно итогам служебных расследований, региональное духовное руководство приняло решение об их отстранении от служебных обязанностей (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4192. Л. 2).

С началом второго десятилетия XX в. для протестантских религиозных общин наступил сложный период. В этот период усилились репрессивные меры в отношении их представителей, а деятельность ряда объединений была запрещена. Тем не менее, к тому времени на территории империи протестантские течения – прежде всего баптисты и евангельские христиане – уже оформились институционально и функционировали как самостоятельные религиозные организации. Их численность продолжала демонстрировать стабильный рост, в том числе за счёт переходов из других конфессий, главным образом из православия. Согласно данным, распространяемым российским правительством, в 1912 г. численность баптистов достигала около 115 тысяч человек, а евангельских христиан – 31 тысячи. В период с 1907 по 1914 г. в баптизм из православия перешло приблизительно 20,2 тыс. человек. Что касается евангельских христиан, то только в 1913–1914 гг. в эту конфессию из православия перешли 2728 человек (Клибанов, 1965: 239). Разумеется, эти данные не могут считаться абсолютно точными, поскольку численность данных течений пополнялась также представителями иных религий, фиксировались и случаи возвращения в православие. Кроме того, внутри самих протестантских направлений наблюдались переходы из одного движения в другое.

В период Первой мировой войны преследование протестантских религиозных течений усилилось. Русская православная церковь обвиняла баптистов, евангельских христиан и адвентистов в шпионаже в пользу Германии, в предательстве Отечества и других надуманных преступлениях. Однако подобные обвинения не имели под собой оснований. На деле евангельские христиане и представители других конфессий поддержали российское правительство и приняли участие в военных действиях. Характерно, что за весь период войны среди баптистов и евангельских христиан, численность которых составляла не менее 150 тысяч человек, лишь 343 человека – 103 баптиста и 240 евангельских христиан – были осуждены за отказ от военной службы по религиозным убеждениям (Клибанов, 1965: 273-274).

С установлением советской власти в 1917 г. отношение к религии и религиозным организациям кардинально изменилось. Если в царской России протестантские группы считались «нeterпимыми», но всё же допускались в правовом поле с ограничениями, то в советский период власть поставила своей целью полное искоренение религии как «пережитка буржуазного прошлого».

5. Заключение

Проведённый анализ показал, что государственная политика в отношении «нeterпимых» вероисповеданий в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. носила комплексный и во многом противоречивый характер. Сохраняя привилегированное положение православия и закреплённое в законах разграничение конфессий на «терпимые» и «нeterпимые», власти стремились ограничить распространение последних посредством административного контроля,

законодательных барьеров и надзора со стороны государственных и церковных структур. Вместе с тем, в условиях социальных и политических изменений, а также под воздействием внешних факторов, конфессиональная политика постепенно трансформировалась в сторону частичной либерализации, что выразилось, в частности, в принятии Закона о веротерпимости 1905 г. Эти изменения способствовали легализации ряда протестантских общин и активизации их миссионерской деятельности, особенно в окраинных регионах империи, включая Западный и Северо-Западный Казахстан. Однако сохранявшиеся правовые и административные ограничения продолжали препятствовать полноправному функционированию многих религиозных групп, что в итоге предопределило напряжённый характер их взаимодействия с государством.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования исследований молодых учёных по проекту «Жас ғалым» (ИРН АР19175872).

Литература

[АП РК](#) – Архив Президента Республики Казахстан.

[Бендин, 2021](#) – Бендин А.Ю. Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. №1. С. 8-31.

[Воронкова, 2012](#) – Воронкова М.Л. История взаимодействия государства и религиозных объединений в России // Ленинградский юридический журнал. 2012. №3. С. 77-85.

[Дякин, 1998](#) – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начале XX вв.). СПб.: «ЛИСС», 1998. 1000 с.

[Дик, 2003](#) – Дик В. Свет Евангелия в Казахстане. История возвращения Евангелия и распространения общин баптистов и меннонитов в Казахстане (первая половина XX в.). Штайнхаген: «Samenkorn», 2003. 384 с.

[Законодательные акты..., 1909](#) – Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Издание 3-е. Под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1909. 1018 с.

[История..., 1989](#) – История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Издание ВСЕХБ, 1989. 624 с.

[Казаченко, 2010](#) – Казаченко Е.В. Нетрадиционные религиозные общества и секты в России // Ученые записки ЗабГППУ. Серия: Социологические науки. 2010. №4. С. 142-148.

[Клибанов, 1965](#) – Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.

[Митрохин, 1997](#) – Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: СХГИ, 1997. 480 с.

[Оленич, 2005](#) – Оленич Т.С. Проблема классификации русского религиозного сектантства Российской империи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. №2. С. 15-25.

[ПСЗРИ, 1908](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908. 1109 с.

[СЗРИ, 1857a](#) – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. I. Ч. 1. СПб., 1857. 1026 с.

[СЗРИ, 1857b](#) – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1857. 266 с.

[СЗРИ, 1857c](#) – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. XIV. СПб., 1857. 909 с.

[СЗРИ, 1857d](#) – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. XV. СПб., 1857. 964 с.

[Сафонов, 2017](#) – Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений: монография. М.: Проспект, 2017. 352 с.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Шнайдер, 2006](#) – Шнайдер И. Евангельские общины в Актюбинской степи. К столетию первой общины баптистов в Актюбинске. Штайнхаген: «Samenkorn», 2006. 320 с.

[Mustafina, Maden, 2025](#) – Mustafina Zh.D., Maden A.T. The Emergence and Development of New Religious Movements in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Turgay and Ural Regions) // Bylye Gody. 2025. 20(1): 289-299.

References

[АП РК](#) – Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

[Bendin, 2021](#) – Bendin, A. Yu (2021). Gosudarstvenno-religioznye instituty Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XX v.: ehvolyutsiya otnoshenii «svoi-inoi-chuzhoi» [State-religious Institutions of the Russian Empire in the XVIII – early XX century: the evolution of relations «friend – other – foe»]. Vestnik RUDN. Серия: История России. 1: 8-31. [in Russian]

Dik, 2003 – *Dik, V.* (2003). *Svet Evangeliya v Kazakhstane. Istorya vozveshcheniya Evangeliya i rasprostraneniya obshchin baptistov i mennonitov v Kazakhstane (pervaya polovina XX v.)* [The Light of the Gospel in Kazakhstan. The history of the proclamation of the Gospel and the spread of Baptist and Mennonite communities in Kazakhstan (the first half of the XX century)]. Shtainkhagen: «Samenkorn». 384 p. [in Russian]

Dyakin, 1998 – *Dyakin, V.S* (1998). *Natsionalnyi vopros vo vnutrennoi politike tsarizma (XIX – nachale XX vv.)* [The national question in the internal policy of Tsarism (XIX – early XX centuries)]. SPb.: «LISS». 1000 p. [in Russian]

Istoriya..., 1989 – *Istoriya Evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR.* [The history of Evangelical Baptist Christians in the USSR]. Moskva: Izdanie VSEKhB. 624 p. [in Russian]

Kazachenko, 2010 – *Kazachenko, E.V* (2010). *Netraditsionnye religioznye obshchestva i sekty v Rossii* [Non-traditional religious societies and sects in Russia]. *Uchenye zapiski ZABGGPU. Seriya: Sotsiologicheskie nauki.* 4: 142-148. [in Russian]

Klibanov, 1965 – *Klibanov, A.I.* (1965). *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.).* [The history of religious sectarianism in Russia (the 60s of the nineteenth century – 1917)]. Moskva: Nauka. 348 p. [in Russian]

Mitrokhin, 1997 – *Mitrokhin, L.N* (1997). *Baptizm: istoriya i sovremennost' (filosofsko-sotsiologicheskie ocherki)* [Baptism: History and Modernity (philosophical and sociological essays)]. SPb.: SKHGI. 480 p. [in Russian]

Mustafina, Maden, 2025 – *Mustafina, Zh.D., Maden, A.T.* (2025). The Emergence and Development of New Religious Movements in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Turgay and Ural Regions). *Bylye Gody.* 20(1): 289-299.

Olenich, 2005 – *Olenich, T.S.* (2005). *Problema klassifikatsii russkogo religioznogo sektantstva Rossiiskoi imperii* [The problem of classification of Russian religious sectarianism in the Russian Empire]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 2: 15-25. [in Russian]

PSZRI, 1908 – *Pol'noe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. Tom XXV. Otdelenie 1.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Volume XXV. Department 1]. SPb. 1109 p. [in Russian]

Safonov, 2017 – *Safonov, A.A.* (2017). *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspeky vzaimootnoshenii* [The state and confessions in late Imperial Russia: legal aspects of the Relationship]. Monografiya. Moskva: Prospekt. 352 p. [in Russian]

Shnaider, 2006 – *Shnaider, I.* (2006). *Evangel'skie obshchiny v Aktyubinskoi stepi. K stoletiyu pervoi obshchiny baptistov v Aktyubinske* [Evangelical communities in the Aktobe steppe. On the centenary of the first Baptist community in Aktobe]. Shtainkhagen: «Samenkorn». 320 p. [in Russian]

SZRI, 1857a – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. I. Ch. 1* [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. I. Part 1]. SPb. 1026 p. [in Russian]

SZRI, 1857b – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. XI. Ch. 1* [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. XI. Part 1]. SPb. 266 p. [in Russian]

SZRI, 1857c – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. XIV* [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. XIV]. SPb. 909 p. [in Russian]

SZRI, 1857d – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. XV* [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. XV]. SPb. 964 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Voronkova, 2012 – *Voronkova, M.L.* (2012). *Istoriya vzaimodeistviya gosudarstva i religioznykh ob'edinenii v Rossii* [The history of interaction between the state and religious associations in Russia]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal.* 3: 77-85. [in Russian]

Zakonodatel'nye akty..., 1909 – *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg. Izdanie 3-e.* [Legislative acts of the transitional period. 1904–1908 3rd edition]. Pod red. N.I. Lazarevskogo. SPb. 1018 p. [in Russian]

Эволюция государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Западного и Северо-Западного Казахстана)

Жанар Дүйсембековна Мустафина ^a, Асылбек Тореханулы Маден ^{a, *},
Бибинура Казбековна Сугурбаева ^a

^a Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актобе, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maden.assylbek80@gmail.com (А.Т. Маден)

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений государственной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. в отношении так называемых «непримиримых» вероисповеданий на примере Западного и Северо-Западного Казахстана. На основе широкого круга источников, включая нормативно-правовые акты, архивные материалы и труды отечественных и зарубежных исследователей, анализируется трансформация подходов государства к религиозным течениям, которые в дореволюционный период квалифицировались как «секты» и подвергались различным формам административного и полицейского давления. Показано, что в имперский период конфессиональная политика сочетала правовые ограничения с мерами надзора и контроля, направленными на сдерживание их распространения, при этом сохранялись возможности для легализации и миссионерской деятельности. Особое внимание уделено миссионерской активности протестантских групп, их взаимодействию с единоверцами из приграничных регионов и влиянию переселенческой политики на конфессиональную ситуацию в окраинных районах. Прослеживается динамика развития локальных религиозных общин и механизмы их адаптации к правовым и административным условиям.

Методологическую основу составили проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и историко-типологический методы, а также анализ архивных документов, позволившие выявить этапы эволюции политики, классифицировать формы государственного воздействия и реконструировать особенности реализации законодательных норм на региональном уровне.

Материалы статьи позволяют глубже понять влияние государственной политики на развитие религиозной жизни окраинных регионов Российской империи и уточняют представления о региональной специфике конфессиональной политики в истории религиозных меньшинств.

Ключевые слова: государственная политика, «непримиримые» вероисповедания, протестантизм, штундизм, баптизм, молокане, Российская империя, Западный Казахстан.